

Е Байцин на мгновение лишился дара речи.

— Сдаётся мне, ты просто издеваешься, — буркнул он, насупившись. — В любом случае, звать я тебя так не буду. Смысл-то один и тот же! И не надейся: то, что ты выручил меня в прошлый раз, вовсе не значит, что я готов признать тебя старшим братом. Брат у меня только один.

Гу Цин понимающе закивал:

— Разумеется, разумеется. У меня и в мыслях не было тягаться с ним за это звание. Но роль обязывает, понимаешь? На камеру зови «братом», а про себя называй как душе угодно, никто ведь в голову к тебе не залезет.

Е Байцин скрестил руки на груди и вызывающе фыркнул:

— И всё равно не буду.

— Гу Цин пришёл? Живо на грим! — к ним подошла Мэй Сяотун и привычным жестом взъерошила волосы Е Байцина. — И ты тоже, не стой столбом, иди причёску поправь. Хватит тут прохлаждаться.

Гу Цин невольно усмехнулся, глядя на то, как покорно «терпит» взбучку маленький господин Е. Перед Мэй Цзибаем и Мэй Сяотун этот строптивый юноша становился на удивление покладистым.

Проводив взглядом уходящего к гримёрам Байцина, Гу Цин повернулся к Сяотун:

— Нам бы сперва прогнать сцену. У меня ведь совсем нет опыта, я в этом деле человек новый.

Мэй Сяотун лишь отмахнулась, весело улыбнувшись:

— Не бери в голову. Я позвала тебя, чтобы ты немного развлёкся. Если будешь так изводиться, всё удовольствие пропадёт. Поверь, даже если твоя игра окажется посредственной, в руках брата Фана ты будешь выглядеть безупречно.

Она обернулась и кивнула стоявшему неподалёку Фан Хуайнину, и тот ответил ей теплой улыбкой.

Гу Цин ощутил легкий укол неловкости — он словно невольно приобщился к чужой идиллии. Несмотря на отсутствие детей, брак этой пары вызывал искреннее восхищение.

— Я приложу все усилия, чтобы не подвести команду, — пообещал он, приходя в себя.

— Я и не сомневаюсь. Иди переодевайся.

Гу Цин кивнул и с любопытством огляделся. Суэта съёмочной группы его забавляла. И хотя проект был фактически «семейным» — от инвестиций до режиссёрского кресла, — он не желал становиться слабым звеном. Если уж браться за дело, то делать его на совесть.

Пока его одевали и укладывали волосы, он успел ещё разок поцапаться с Е Байцином. Потакать капризам юного наследника Гу Цин не собирался — у него и самого характер был не сахар.

Их перепалку прервал помощник Мэй Сяотун, пришедший забрать их на фотосессию для промо-материалов. По пути в павильон Е Байцин, сохраняя на лице выражение ледяной невозмутимости, вдруг признался:

— Вообще-то я хотел приехать сюда вместе с Цзайчжоу, но он упёрся. Говорит, не хочет прогуливать занятия. Даже ради меня не согласился.

Гу Цин задумался.

— Вы из-за этого поссорились?

— Я просто не понимаю, чего он злится, — нехотя признал Е Байцин. — Он ведь отлично учится, что случится от пары дней пропуска? Его мать на такие вещи даже внимания не обращает.

Гу Цин мельком взглянул на идущего впереди ассистента и, не глядя на мальчика, ободряюще похлопал его по плечу:

— То, что он не хочет прогуливать, вовсе не значит, что ты ему безразличен. Наверняка у него есть свои причины. У каждого свои принципы: для тебя пропуск — пустяк, а для него всё может быть иначе.

Мэй Цзибай вскользь упоминал о делах семьи Лян. Лян Цзайчжоу, вероятно, питал к своему непутевому отцу сложное чувство — смесь ненависти и подсознательной жажды признания. Чем меньше мы получаем чего-то в детстве, тем сильнее этого хотим, даже если разум твердит, что ожидание тщетно. Цзайчжоу казался молчаливым, но мысли его были глубоки; возможно, он давно понял, что этот человек ему не отец, но сердцу не прикажешь.

Е Байцин выглядел озадаченным, словно пытался ухватить какую-то ускользающую истину.

Гу Цин резко хлопнул его по спине:

— Расправь плечи! Что за унылый вид? Есть что сказать — скажи в лицо. Думаешь, трусость поможет решить проблему?

Мальчик возмущенно вскинулся:

— Ты что, заразился от моего брата?!

— С кем поведёшься, — философски отозвался Гу Цин. — Так что взбодрись.

Е Байцин поджал губы и послушно закивал. Уже перед самым входом в студию он буркнул:

— Ладно, на камеру я могу назвать тебя братом. Но запомни: в душе я зову тебя невесткой, и братом никогда не признаю.

«Невесткой», значит... Гу Цин выдал «самую добрую» из своих улыбок:

— И когда же ты от меня отвяжешься с этим прозвищем?

Е Байцин вскинул подбородок, явно довольный собой:

— Никогда! Если только ты с моим братом не разведёшься.

— Не дождёшься. Ни за что не разведусь.

— Тогда терпи!

Спорить с подростком было выше его достоинств. «Пусть зовёт как хочет, — подумал Гу Цин. — Главное, что не кого-то другого».

Утренняя фотосессия прошла успешно, а на вторую половину дня запланировали две сцены с Мэй Сяотун. Работать со знакомыми было проще — это помогало быстрее войти в образ.

Снимали исторический детектив. Персонажи Гу Цина и Е Байцина — братья, которые под прикрытием содержания постоянного двора занимались сбором разведданных. Они были «теневой» нитью сюжета, связывающей главных героев.

В жизни Гу Цин и Байцин постоянно подкалывали друг друга, поэтому и перед камерой им не пришлось ничего придумывать: экранные братья то и дело обменивались колкостями и ставили друг другу подножки, что идеально вписывалось в характеры актёров.

Вторая сцена — вечерняя, на кухне. Чтобы Гу Цин не возвращался слишком поздно, а Байцин, как прилежный ученик, успел отдохнуть, Фан Хуайнин назначил съёмку на пять вечера. Зимние сумерки и пара операторских хитростей позволили добиться нужного эффекта без задержек.

По сюжету героиня Мэй Сяотун пытается выведать информацию, помогая братьям готовить поздний ужин. Вкусно накормив «гостью», братья сдают и делятся сведениями. В сценарии значились классические блюда, для приготовления которых даже пригласили двух профессиональных поваров.

Однако помощь профессионалов не потребовалась, как и заготовки бутафоров.

Под изумлёнными взглядами съёмочной группы Гу Цин мастерски приготовил несколько сложнейших блюд: нежные тефтели «львиные головы» с крабовым мясом, ароматное ассорти из копчёностей, сочного цыплёнка «три стакана», молодую капусту в наваристом бульоне и изысканный рыбный суп сестрицы Сун.

Удивлены были все — даже приглашённые повара, попробовав результат, остались в полном восторге.

Сам же Гу Цин не спешил заноситься. У него действительно был талант к кулинарии, но оттачивал он его в самый тяжёлый период жизни — когда его мать была тяжело больна. Она почти ничего не могла есть, и он перерыл сотни рецептов, пробуя всё подряд, лишь бы она съела хоть ложечку, лишь бы на её лице промелькнула тень улыбки. Это стоило любых усилий.

Мэй Сяотун сделала несколько снимков и тут же отправила их Мэй Цзибаю с припиской: «Ну и повезло же тебе, братец».

Посоветовавшись с Фан Хуайнином, она решила, что раз работа идет так гладко, стоит закончить пораньше и всем вместе поужинать. Было бы преступлением оставить такие шедевры нетронутыми.

Гу Цин отправил Мэй Цзибаю сообщение, предупредив, чтобы тот не ждал их к ужину.

Собравшись в комнате отдыха, Мэй Сяотун принялась дегустировать блюда.

— Вкус даже лучше, чем аромат! — воскликнула она. — Bravo, Гу Цин. Ты — человек-сюрприз.

Гу Цин не стал кокетничать. Сейчас, будучи наследником семьи Гу, он редко находил повод встать у плиты — разве что дома, когда хотелось побаловать Мэй Цзибая.

Он покачал головой и поставил стакан воды рядом с Е Байцином, который, проголодавшись, уплетал еду за обе щеки.

— Да просто «ветка навыков» не туда ушла, — отшутился он старой фразой. — Как-то на отдыхе увлёкся, поучился немного... Видимо, задатки были.

Мэй Сяотун не стала расспрашивать дальше.

— Как бы то ни было, сегодня ты всех поразил. Кое-кто успел сделать фото и снять видео. Если ты не против, я не буду запрещать им выкладывать это в сеть.

Неудивительно, что люди были в восторге. Гу Цин — красавец с безупречной фигурой и завидным происхождением, от которого ждали повадок изнеженного барчука, вдруг демонстрирует мастерство на уровне шеф-повара элитного ресторана. Да и сам процесс выглядел невероятно эстетично.

Этот контраст завораживал: кто бы мог узнать в этом талантливом кулинаре с открытой улыбкой того самого непутевого гуляку, помешанного на гонках и вечно влипающего в неприятности? Будто человека целиком переплавили и создали заново.

Гу Цин был не против. Подумав о Мэй Цзибае и своих родителях, он ответил:

— Без проблем. Только Байцина на кадрах замажьте, он ещё маленький.

Мэй Сяотун и Фан Хуайнин переглянулись и синхронно улыбнулись.

— Я обсуждала с Цзибаем участие Байцина, — заметила Сяотун. — Случай в Частном винном клубе стал для нас уроком. Он ещё юн, его нужно беречь, но излишняя таинственность порой только раззадоривает всяких негодяев, которые теряют страх. Не нужно делать из него звезду, но пусть в определённых кругах знают, кто он такой.

Фан Хуайнин добавил:

— В титрах мы укажем его под псевдонимом — «Сяо Е» или «Листик», чтобы не привлекать лишнего внимания масс.

Е Байцин недовольно буркнул:

— Всё «маленький» да «ребёнок»... Мне вообще-то пятнадцать скоро. В следующем году в старшую школу пойду, нечего меня так опекать.

Гу Цин мазнул по нему взглядом и отвесил лёгкий щелчок по лбу:

— Вот постепенно мир о тебе и узнает. А пока — даже в старшей школе ты останешься

несовершеннолетним.

— Опять ты за своё! Понравилось щелбаны раздавать? На съёмках я терпел, но сейчас...

Гу Цин невозмутимо посмотрел на палочки в руках мальчика:

— Ты же знаешь поговорку: чей хлеб ешь, того и волю слушай. Хоть бы одно доброе слово сказал. Или мне забрать тарелку?

— Э-э... нет, не надо, — Байцин поспешно подтянул к себе последнюю тефтелю. — Ладно, признаю: у шеф-поваров, может, техника и круче, но у тебя... очень вкусно. Как-то по-особенному.

Мэй Сяотун подвела итог:

— Мастерство профессионала, а вкус — домашний. Сердечный.

Гу Цин промолчал, лишь взгляд его на мгновение потеплел. Для него это была высшая похвала.

Поскольку завтра снова нужно было быть на площадке, Е Байцин временно остался у Мэй Цзибая и Гу Цина. Вернувшись домой, мальчишка вихрем промчался на второй этаж — спешил созвониться с Лян Цзайчжоу.

Гу Цин заглянул в кабинет. Достав из термосумки небольшую керамическую чашу, он бесшумно поставил её на стол и осторожно пододвинул к руке Мэй Цзибая.

Заметив, что тот не реагирует, он взял лежащее на раскрытой книге чёрное эбеновое украшение-закладку, отложил её в сторону и, полуприсев у стола, заглянул мужу в лицо.

— Ну и чего ты меня игнорируешь?

Мэй Цзибай закрыл книгу и поднял холодный, изучающий взгляд на «обиженного» Гу Цина.

— Надо же. Не знал, чтостряпню молодого господина Гу теперь может отведасть любой встречный.

Гу Цин опешил.

— Так это же твои тётя с дядей! Ну и Байцин. Свои же люди, какие они «встречные»?

Заметив, как покачивается кисточка на украшении-закладке, он вытянул книгу из-под ладони Цзибая и вложил в его руки тёплую пиалу.

— Я специально для тебя оставил. Это рыбный суп. Твоя порция — самая первая.

— Уже девятый час. Я не ем по ночам, — ровно отозвался Мэй Цзибай.

Гу Цин запнулся:

— Но... я...

Мэй Цзибай опустил глаза и, медленно снимая крышку с пиалы, добавил:

— Но раз это знак твоего особого внимания, сделаю исключение.

—... Сдаётся мне, ты издеваешься. Нельзя было сразу так сказать, без этой театральной паузы?

Мэй Цзибай жестом велел ему сесть. Сделав глоток — вкус действительно был превосходным, — он неспешно спросил:

— Цинцин, зачем ты позволил им опубликовать кадры со съёмки?

<http://bllate.org/book/17544/1713260>